

Жун Цзинь тоже наблюдал за ним. Сперва этот парень показался ему немного наивным: надо же, действительно бегал до седьмого пота.

Но тут же он поймал себя на мысли, что подобное простодушие сейчас выглядит на редкость мило.

Он мягко улыбнулся:

— Иди утри пот, поправь грим, и продолжим.

Чи Фэйжань послушно кивнул и, взяв у Чэнь Мэнъяна салфетку, промокнул лицо, после чего поспешил к гримерам.

К тому моменту, когда с поправками покончили, на площадку как раз вернулся режиссёр Цзинь.

Снова раздалась команда «Мотор!». На этот раз дело пошло куда лучше: когда Чу Бай взмахивал мечом, в его движениях наконец появилась та самая едва уловимая, призрачная слабость.

Сцена, с которой промучились добрую половину дня, наконец-то была снята.

Объявив об успешном завершении дубля, режиссёр Цзинь даже застыл в лёгком недоумении. Он бросил взгляд на Жун Цзиня, о чём-то беседовавшего с Чи Фэйжанем, и довольно ворчливо скомандовал:

— Снято! Всем спасибо, на сегодня свободны!

А киноимператор тем временем наставлял юношу:

— Это грубый, топорный приём. Пользоваться им стоит лишь в самом крайнем случае. Не советую привыкать.

Не будь сегодняшнее расписание столь свободным, а сцена — настолько безнадёжной, он ни за что не стал бы раскрывать Чи Фэйжаню подобные уловки.

На съёмках сцены редко идут в хронологическом порядке. Часто бывает, что сейчас от тебя требуется изобразить предсмертную агонию, а уже в следующем кадре — пылать силой и здоровьем. Если перед каждой сценой упадка сил нарезать круги по стадиону, то на остальную работу тебя попросту не хватит.

Чи Фэйжань послушно кивнул, мотая на ус каждое слово.

— Ты ведь ещё учишься? — поинтересовался Жун Цзинь.

— Уже окончил, — машинально отозвался тот.

Решив, что речь идёт о старшей школе, мужчина спросил:

— И какие планы на будущее? Собираешься поступать в университет?

Чи Фэйжань промолчал.

«Да уж, обидно как-то, — подумал он. — Я ведь только-только университет окончил...»

Жун Цзинь принял его молчание за нерешительность и мягко продолжил:

— Если ты твёрдо намерен пойти по актёрской стезе, я бы посоветовал тебе получить профильное образование. Что касается музыки — тут твоя подготовка и так не вызывает сомнений, профессионализм виден сразу.

И пускай говорят, что у дипломированных актёров игра порой выходит слишком механической, академическая школа всё же даёт неоспоримые преимущества. Особенно для тех, кто одарён от природы. Несколько точных подсказок от опытного педагога уберегут от множества лишних блужданий.

За то недолгое время, что они работали бок о бок, Жун Цзинь успел понять: юноше достаточно лишь поймать чужой настрой. Стоило партнёру по сцене выдать сильную эмоцию, как Чи Фэйжань мгновенно впитывал её и зеркалил. Он обладал поразительной эмпатией — прирождённый сторонник школы переживания, привыкший пропускать чувства героя сквозь призму собственной души.

Это был редкий, бесценный дар. Некоторым людям просто суждено заниматься этим ремеслом, и остальным остаётся лишь молча завидовать. Должно быть, именно из-за этой обострённой чувствительности он и сумел создать столь пронзительные песни, вдохновившись обычным фильмом.

При мысли о тех мелодиях Жун Цзинь невольно улыбнулся. С его восприимчивостью юноше противопоказано смотреть тяжёлые драмы, иначе он и сам увянет от тоски.

Умение полностью погружаться в чувства персонажа — великий дар, но для актёра он же может обернуться проклятием. Стоит переступить невидимую черту, и отличить игру от реальности станет почти невозможно.

За годы в шоу-бизнесе Жун Цзинь не раз видел, как талантливые актёры после завершения сложного проекта так и оставались заперты в клетке чужой личности, не в силах вернуться к себе прежним. Когда явь смешивается с вымыслом, это неизбежно ведёт к трагедии. И чаще всего на эти грабли наступают именно самородки, привыкшие полагаться лишь на интуицию.

Поэтому Чи Фэйжаню следовало как можно скорее научиться управлять своим даром и обуздать его, а не просто плыть по течению эмоций.

— Я бы очень хотел, чтобы ты серьёзно отнёсся к мои словам, — мягко, но настойчиво произнёс Жун Цзинь.

Чи Фэйжань и думать не думал о возвращении за парту — в конце концов, он ведь уже окончил университет в реальной жизни. Но доводы старшего коллеги заставили его взглянуть на вещи по-новому. Пожалуй, это и правда неплохой вариант. Освоить новые грани мастерства, получить профессиональную базу — всё это станет отличным фундаментом для дальнейшего роста.

Видя, как искренне за него переживают, юноша не решился отмахнуться. Он посчитал своим долгом отнестись к совету со всей серьёзностью и кивнул:

— Хорошо, я обязательно всё обдумаю.

Лицо Жун Цзиня потеплело.

— Ну, тогда до завтра.

— До завтра, брат Жун.

Чи Фэйжань долго размышлял над услышанным. На досуге стоило подробно расспросить Ли Юаня: поступление наверняка потребует перекроить весь рабочий график, а как увязать учёбу с плотным расписанием съёмок, он пока представлял с трудом.

Следующие два дня съёмок выдались для Чи Фэйжана на редкость необременительными. Вся основная нагрузка легла на плечи его старшего партнёра, юноше же оставалось лишь тихонько маячить на заднем плане, не требуя особого внимания.

Облачившись в костюм, Чи Фэйжань явился на площадку и застал любопытную картину: постановщики трюков усердно обматывали Жун Цзиня страховочной сбруей, а ассистенты без конца проверяли крепления. Поодаль переминались с ноги на ногу двое дублёров, одетых точь-в-точь как звезда — подстраховка на случай, если Жун Цзинь откажется от трюка или не справится со сложной сценой.

Чи Фэйжань впервые видел, как актёров подвешивают на тросах — «на весу». Из чистого

любопытства он подошёл поближе. Рассмотрев поближе хитрую систему ремней и сообразив, на какие зоны приходится основное натяжение, юноша невольно поморщился. В паху сочувственно заныло. Одно неловкое движение — и травма гарантирована... а то и вовсе без самого дорогого останешься.

Чэнь Мэнъян заговорщически шепнул ему на ухо:

— Говорят, брат Жун держится в воздухе изящнее любого каскадёра. Пока ситуация не грозит реальной опасностью, он всегда работает сам.

Чи Фэйжань понимающе кивнул, мысленно пожалевав, что изучал фильмографию Жун Цзиня строго по годам выпуска. Стоило начать с уся-боевиков. Впрочем, сейчас у него появился шанс увидеть всё вживую. Предвкушение захлестнуло юношу с головой.

Работа на тросах — дело крайне опасное, и больше всего на площадке бояться неисправности снаряжения. Когда человек взмывает вверх, вся его жизнь повисает на тонкой стальной нити. Любая мелочь может обернуться трагедией, а потому техники проверяли крепления с маниакальной дотошностью.

Что уж говорить, когда под куполом предстояло парить самому Жун Цзиню. Травма дублёра — событие прискорбное, но поправимое. Но если, упаси небо, пострадает киноимператор, разъярённая армия фанатов камня на камне не оставит от съёмочной площадки, а режиссёра линчует прямо на месте.

Подготовка затянулась, и режиссёр Цзинь предсказуемо начал закипать. Из рупора то и дело раздавался его раздражённый рык:

— Зашевелились наконец?! Почему раньше всё не проверили?! Бездельники, за что я вам только деньги плачу?!

Постановщики трюков безропотно сносили ругань, но дела не бросали. Прошло ещё добрых двадцать минут, пока все приготовления не завершились.

Когда прозвучала команда приготовиться, Чи Фэйжань поудобнее устроился на своём месте, во все глаза глядя на «старшего брата».

По команде Жун Цзинь пришёл в движение. Длинный меч в его руке расчертил воздух серебряной дугой. Несколько стремительных шагов, толчок от дерева — и он взмыл ввысь, словно презирая законы земного притяжения.

Помощники на лебёдке сработали безупречно, натянув тросы в идеальный момент. Мгновение — и Жун Цзинь уже парил в воздухе.

На его лице не отразилось и тени испуга или напряжения. Спина оставалась безупречно прямой, а движения — легкими и грациозными. В каждом его взмахе сквозило такое благородство, словно перед зрителями действительно предстал легендарный мастер меча из древних трактатов.

Однако за этой иллюзорной лёгкостью крылась нечеловеческая нагрузка. Чтобы удерживать безупречную позу в воздухе, приходилось до предела напрягать все мышцы спины и пресса.

Чи Фэйжань заворожённо наблюдал за ним, но режиссёра Цзиня этот полёт не впечатлил.

— СТОП! — гроыхнуло над площадкой. — Заново! Лебёдка опоздала на долю секунды!

Поскольку режиссёр требовал идеальной плавности и непрерывности кадра, Жун Цзиня спустили на землю. Пришлось начинать сначала.

Специфика таких съёмок безжалостна: мало одного актёрского мастерства, работа каскадёров на натяжении должна быть точной, как швейцарские часы. Любой другой режиссёр закрыл бы глаза на столь незначительную погрешность, но только не Цзинь. Этот вьедливый перфекционист не прощал ни малейшего сбоя в общем ритме сцены.

Жун Цзиня дёргали вверх и вниз уже раз десять, но режиссёр упорно кричал «Заново!». И только когда у оператора лебёдки пот градом покатился по лицу, Цзинь раздражённо буркнул:

— Объявляю пятнадцатиминутный перерыв!

Чи Фэйжань практически подлетел к Жун Цзиню:

— Брат Жун, ты как? Живой?

Приняв бутылку из рук подбежавшего ассистента, тот сделал глубокий глоток и слабо улыбнулся:

— Терпимо.

Он посмотрел на Чи Фэйжана и весело добавил:

— Слегка полетать я ещё в состоянии.

Чи Фэйжань видел, что тот даже не запыхался, и не на шутку восхитился его выносливостью:

— Брат Жун, ты потрясающий!

Жун Цзинь невольно улыбнулся, польщённый такой искренностью. Но стоило ассистенту отойти, как юноша подался вперёд и тихонько прошептал:

— Брат Жун... а это... не очень больно?

Жун Цзинь на мгновение опешил, а сообразив, о чём именно его спрашивают, едва не поперхнулся.

Заметив реакцию коллеги, Чи Фэйжань смутился и поспешно добавил:

— Да я... я просто так спросил, из любопытства!

Жун Цзинь заговорщически понизил голос:

— Немного есть. Если за пару дублей не закончим, я здесь точно кого-нибудь придушу.

Чи Фэйжань опешил и тут же принялся всматриваться в его лицо, пытаясь понять, шутит тот или говорит серьёзно.

Жун Цзинь не выдержал его наивного вида и прыснул:

— Расслабься, шучу я.

Чи Фэйжань неловко потёр кончик носа. Ему действительно было жутко любопытно. В его глазах брат Жун оставался эталоном спокойствия и деликатности, настоящим наставником. Было крайне трудно представить, как этот сдержанный мужчина закатывает капризную истерику на глазах у всей съёмочной группы.

Как выяснилось, Жун Цзинь был профессионалом до мозга костей. Даже когда режиссёр заставил его сделать ещё десяток дублей, он не выдал своего недовольства ни единым жестом.

Когда со сложными сценами наконец закончили, они вместе пошли разгримировываться. Едва Жун Цзинь скинул тяжёлый кафтан, Чи Фэйжань невольно затаил дыхание: вся талия актёра была испещрена тёмными кровоподтёками от страховочных ремней. О том, как пострадали бёдра под плотной тканью брюк, оставалось только догадываться.

Чи Фэйжань прекрасно знал, что актёрский труд далёк от праздных развлечений, но при виде этих жутких следов не сдержался:

— Брат Жун, но почему ты не воспользовался дублёром? Ты ведь мог...

Пусть даже режиссёр Цзинь терпеть не мог фальшь и суррогат на экране, каскадёры-то на съёмках дежурили неспроста. Значит, такая возможность изначально допускалась. Но тот упрямо выполнил всё сам, даже не заикнувшись о помощи.

Жун Цзинь, не оборачиваясь, накинул на плечи рубашку. Неторопливо застёгивая пуговицы, он спокойно произнёс:

— Раз уж вы, фанаты, искренне любите меня, то я должен показывать на экране себя, а не чью-то чужую спину. В этом нет ничего героического. Иначе получится глупо: вы будете восхищаться эффектным полётом, думая обо мне, а на деле там кувыркался каскадёр. Неловко перед вами.

Чи Фэйжань застыл, не сводя с него глаз. Если раньше он просто испытывал к Жун Цзиню тёплую симпатию, то в эту секунду его сердце было окончательно и бесповоротно завоёвано.

В порыве бурных чувств он воскликнул:

— Брат Жун! Всё, отныне я твой самый преданный фанат на всю жизнь!

Жун Цзинь обернулся и мягко рассмеялся:

— Да уж, твоя верность покупается на удивление дёшево.

<http://bllate.org/book/18265/1756676>